"ПРАВО ЗНАТЬ: история, теория, практика"
N 11–12 (59–60) ноябрь–декабрь 2001 г.

ЧЕМ ЖЕ ЗАНИМАЮТСЯ ВОЕННЫЕ ЦЕНЗОРЫ?

Точка зрения гражданского журналиста

Верховный суд России признал недействительными отдельные пункты приказа министра обороны о секретных документах. Речь идет о приказе номер 055 "О государственной тайне" от 10 августа 1996 года. Этим документом был введен в действие "Перечень сведений, подлежащих засекречиванию а Вооруженных силах РФ".

Кассационная коллегий Верховного суда во вторник, 6 ноября, оставила в силе соответствующее решение военной коллегии того же суда от 12 сентября. Теперь оно вступает в законную силу.

Как сообщает РИА "Новости", дело слушалось на закрытом заседании.

Ходатайство об отмене приказа министра обороны подали адвокаты Юрий Шмидт, Михаил Матинов и сотрудник международной экологической организации "Беллуна" (Bellona) Александр Никитин, который привлечен в качестве эксперта по делу журналиста Григория Пасько, обвиняемого в шпионаже в пользу Японии. Ранее обвинение в разглашении государственной и военной тайны было предъявлено самому Никитину, но Верховный суд его оправдал.

Истцы утверждали, что Минобороны по своему усмотрению расширило перечень секретных сведений, перечисленных в Федеральном законе "О государственной тайне". По их словам, руководствуясь этим перечнем, военные эксперты дают свои заключения, на основе которых людям предъявляются обвинения в разглашении государственной тайны.

Комментируя решение Верховного суда, адвокат Шмидт высказал мнение, что оно может повлиять на судьбу ряда обвиняемых в шпионаже, в частности Григория Пасько, сотрудника Института США и Канады РАН Игоря Сутягина и красноярского ученого Владимира Данилова. Он предсказывает благоприятный исход их дел.

Решение Верховного суда существенно меняет конфигурацию отношений между силовыми структурами и прессой. Об этом размышляет в "Независимом военном обозрении" (выпуск от 26 октября) военный обозреватель "Общей газеты" Виктор ЛИТОВКИН, статью которого с незначительными сокращениями мы перепечатываем.

Наконец–то они заговорили! Они –это сотрудники отделов информационной безопасности Генерального штаба и главных штабов видов Вооруженных Сил, именуемые в просторечии военной цензурой (см. "НВО" N 34, 2001 г., "Оком бдительным, но разумным"; "Красная звезда" N 155 от 22 августа 2001 г., "Секреты не только в сейфах").

Раньше журналисты общались с ними в основном заочно, через следователей ФСБ. Случалось, после опубликования того или иного острого материала, в частности, критикующего непорядки в военном ведомстве, спустя месяц–два в редакцию приходит

письмо из Министерства по печати с предупреждением: в данной публикации содержатся элементы государственной тайны, просим больше такого не допускать, в противном случае будем вынуждены отозвать лицензию. Еще через пару недель – вызов к следователям ФСБ в Лефортово. А там – долгий разговор на предмет разглашения тех самых секретов.

ВОТ КТО ОНИ

Журналист, явившийся в Лефортово пока еще как свидетель по якобы фактам нарушения закона, кои имели место в его же статье, вынужден объяснять следователю под протокол очевидное: ни к каким государственным секретам допуска не имел и не имеет, бумаг с соответствующим грифом в руках не держал и не собирается их держать, с секретоносителями не встречался, а приведенная в материале информация взята в таком–то издании, и у него, корреспондента, на всякий случай есть ксерокопия этой публикации. Кстати, вот и она. Копия подшивается в уголовное дело. Журналиста выпускают из Лефортовского тюремного замка.

Со мной такое происходило раз десять. И всякий раз я гадал, кто написал на меня и на газету этот гнусный бездоказательный и некомпетентный донос? На кого, в случае чего, подавать в суд иск о клевете, защите чести и достоинства? С кого спрашивать за вымотанные нервы? Согласитесь, допрос в ФСБ – мероприятие малоприятное.

Теперь ясно, кто стоит за такой нервотрепкой. Полковник Каплин в этом прямо признался в интервью "НВО". Именно его отдел готовит заключение о разглашении гостайны в печати и, как он сам об этом заявил, передает "материалы в прокуратуру для рассмотрения вопроса о возможности возбуждения уголовного дела".

Хочу обратить внимание на эту лицемерную "тонкость". Отдел информационной безопасности Генштаба не сам возбуждает уголовное дело, – он "только" просит рассмотреть такую возможность. То есть вся ответственность за подобный шаг ложится не на полковника Каплина и его сотрудников, а на прокуратуру, ФСБ и другие органы, которые станут им заниматься. А господин Каплин – как бы и в стороне. Очень удобная позиция.

ЧЬИ ДЕНЬГИ?

Стоит проанализировать и другие умозаключения руководителя военной цензуры, сделанные им в интервью "НВО". Они прямо–таки кишат нелепицами и противоречиями. Вот, например, полковник утверждает, что "в соответствии со ст. 3 Закона "О средствах массовой информации" они не имеют права требовать от СМИ предварительного согласования, а равно и налагать запрет на распространение сообщений и материалов". А потом, практически на всем протяжении разговора с обозревателем еженедельника, намекает на необходимость предварительных консультаций журналистов или редакций с "профессионалами из сферы информационной безопасности".

Приведу прямую цитату: "Очень странно, что отдельные авторы, советуясь при написании статьи с профессионалами в одной области,.. ссылаются на генерального конструктора одной из систем вооружений, берут на себя ответственность пренебречь мнением профессионалов из сферы информационной безопасности". Звучит угрожающе, не правда ли – "берут на себя ответственность пренебречь мнением" господина Каплина? Даже мурашки по коже.

Спрашивается, зачем нужна консультация с ним, разве он компетентнее генерального конструктора оружия ("мальчиков" и безответственных людей на этих должностях не бывает)? А с другой стороны, разве журналист служит в Министерстве обороны, чтобы

обращаться за консультацией к офицерам этого ведомства? И еще – почему водитель, который постоянно соблюдает правила движения, должен останавливаться возле каждого гаишника и спрашивать его: правильно ли я еду? Не превышаю ли случайно скорость?..

Этого господин военный цензор не объясняет. Да и как с позиций здравого смысла можно объяснить эти ведомственные претензии на "зеленый свет" какой–либо публикации?

А вот другой его пассаж: "В Испании каждое средство массовой информации и гражданин имеют право направить запрос в правительство и получить ответ на поводу соответствия требованиям испанских законов материалов, планируемых к распространению. При этом одобрение правительством этой информации освобождает обратившихся от ответственности, а отрицательный ответ не носит запретительного характера. Однако в последнем случае вся ответственность ложится на лицо, опубликовавшее материал". Очень неудачный пример. Спрашивается, зачем обращаться за разрешением, если журналист все равно будет виноват в том, что он написал?

Но больше всего в рассуждениях начальника отдела Генерального штаба поражает другое. Его абсолютная уверенность, что все сведения, к примеру, о технических характеристиках военного спутника или танка принадлежат Министерству обороны. "Оно является собственником этой информации, – утверждает полковник Каплин, – это на его деньги проводились научные исследования и выпускалась военная продукция". С точки зрения данного господина, "неправомерное распространение информации, задевающее интересы собственника такой информации, сродни банальному воровству или торговле краденым".

Не буду обращать внимание на то, что военный цензор в очередной раз назойливо требует от журналистов противозаконного – согласовывать с ним или с его ведомством материалы о Министерстве обороны РФ или о боевой технике армии и флота России. Изумляет другое: руководитель столь ответственного подразделения Генерального штаба, старший научный сотрудник и кандидат наук, как оказалось, просто не знает или не ведает, что у военного ведомства не было, нет и никогда не будет собственных денег. Оно их не зарабатывало и не имеет права зарабатывать. Все финансовые средства, которые получают силовики на НИОКРы или на закупку вооружений, идут к ним из государственного бюджета. Бюджет формируется, в том числе, и из налогов с российских граждан. Кстати, из налогов на зарплату и гонорары журналистов тоже.

Так что, уважаемый Сергей Каплин, это очень большой вопрос – кто и что у кого ворует.

И, пожалуйста, не присваивайте себе монополию на защиту государственных интересов. Журналисты, как ни удивительно, тоже полноправные граждане своей страны, и ее интересы нам тоже небезразличны. Только не стоит путать интересы государства, общества и граждан с интересами любого чиновника. Даже при погонах.

"ПРОДАЖНЫЕ ШКУРЫ"

Еще об одном. Каждый раз в беседах с журналистами, пишущими на военную тему, цензоры намекают или прямо говорят о нашем "корыстном интересе" в использовании военной информации, о том, что мы ею торгуем. Вот и в интервью "НВО" полковник Каплин вспоминает свой разговор с неким сотрудником одного довольно известного издания и его слова, что он "продает добытую информацию". Поскольку, мол, общение шло в узком кругу, цензор не может назвать фамилию этого человека.

Не исключаю, что этим журналистом мог быть и я. Не потому, что действительно

произнес такие слова. Просто я готов под ними подписаться. Объясню – почему. Хотя должен сразу оговориться: если кто–то ставит знак равенства между словами "продаю информацию" и "продаю секреты", то он может дальше не читать.

Другим (в том числе и полковнику Каплину) поясню очевидное: газеты, как и другие независимые СМИ, то есть не принадлежащие государственным структурам или какому–либо ведомству, являются субъектом информационного рынка. Для того чтобы выжить, работать, получать информацию, обрабатывать ее (анализировать, дополнять, подвергать сомнению, комментировать и т.д.), затем распространять среди своих читателей, они должны продаваться или, иными словами, окупаться. То есть зарабатывать деньги в очень острой конкуренции с другими печатными изданиями или электронными СМИ. А значит, быть интересными, привлекательными для своего покупателя. Обязательно опережать в чем–то коллег. Информация второй свежести, как и такая же осетрина, никому не нужна.

Острая конкуренция в журналистском сообществе как на уровне самой газеты, так и на информационном рынке заставляет газетчика оттачивать свое мастерство, профессионализм, знания в той или иной сфере. учиться писать интересно и увлекательно, иногда и с применением различных "фенечек". Вроде "вы об этом слышите или читаете впервые", "это до сих пор является самым большим секретом"... Могу согласиться, иногда коллеги (да и я тоже) перебарщивают с подобными приемами, как в назойливой рекламе "Орбита" – "Иногда лучше жевать, чем говорить". Но кто из нас без греха, пусть первым бросит в такое издание камень. Я этого делать не буду.

Нельзя же примитивно воспринимать подобные заявления. Если газета называется "Совершенно секретно", так что – там действительно на каждой странице раскрываются самые горячие тайны страны или ее лидеров? Нет, конечно. А в телепередаче "Военная тайна"? Правда, находятся люди, которые, мягко говоря, излишне прямолинейно воспринимают безобидные журналистские хитрости. И тогда из–за их некомпетентности, злобности или зависти – это можно обсуждать – мне и моим коллегам приходится посещать известное учреждение в Лефортово.

ЗАКОНУ ВОПРЕКИ

Беда нашего общества в том, что, в отличие от журналистов, которым приходится испытывать острейшую конкуренцию в добывании и распространении информации, преодолевать в своей работе многие серьезные препятствия, часто созданные чиновниками – как военными, так и гражданскими, абсолютно искусственно, среди цензоров и "спецов" по вопросам государственной тайны никакого творческого соперничества нет. Все они, как правило, спаяны едиными ведомственными или корпоративными узами. Все имеют допуск, и не многие из них решаются потерять его, публично возразив против околоправовых нелепиц, которые придумывают иные большие и малые начальники, толкующие российские законы только в своих узкобюрократических интересах, а также издающие приказы и директивы, которые противоречат и здравому смыслу, и Конституции страны.

В России, увы, пока нет независимого от госведомств экспертного совета или сообщества по данным проблемам. Надеяться на то, что он в ближайшее время появится, вероятно, очень наивно. Но я все–таки не теряю оптимизма. Уже заметны первые шаги в этом направлении.

Военная коллегия Верховного суда России на днях признала недействительными некоторые положения приказа министра обороны от 10 августа 1996 г., которым вводился в действие "Перечень сведений, подлежащих засекречиванию в Вооруженных

Силах РФ". Им–то и руководствуются полковник Сергей Каплин и его подчиненные. Вот и он сам осмелился выступить с интервью в "НВО", что тоже, на мой взгляд, символично.

Пусть первый блин оказался комом. Это не страшно. Главное, что журналисты и цензоры начинают разговаривать друг с другом в открытую, на страницах печатных изданий, а не заочно, через следователей ФСБ и повестки в прокуратуру. Вопреки тому рекламному слогану, который гласит:

"Лучше жевать, чем говорить". Говорить, по–моему, все–таки полезнее. Даст Бог, мы встретимся и за одним столом в Союзе журналистов, подискутируем с привлечением независимых юристов, к чему со страниц "НВО" (N 18, 2001 г.) я уже призывал.

Может, тогда журналисты станут более бдительными, а военные цензоры более разумными, просвещенными и компетентными. Им это, как и нам, не помешает.